

▼ Память хранит

Евгения ЕВАНГУЛОВА

Крестный путь

(Продолжение. Начало в №6 от 16.02.2017 г.)

Папа частенько присаживался к роялю, чтобы сыграть «Лунную сонату» Бетховена, ноктюрны, вальсы, прелюдии или «Траурный марш» Шопена, вальс Дюрана или что-нибудь Чайковского. Под аккомпанемент папы мы с моей сверстницей распевали любимое им «Желание» Шопена и другие песни, выученные с голоса бабушки и папы. У него было абсолютное чувство ритма, и он стыдил нас, когда мы сбивались со счёта.

Однажды, по желанию отца, мама отвела меня к знакомому пианисту-преподавателю Сергею Алексеевичу Сидякину. Однако года через три мои занятия прекратились по причине, заурядной для страны: моего талантливого интеллигентного учителя арестовали по доносу. Самое нелепое, что вскоре, к ужасу родителей, я, 12-летняя девочка, получила повестку из НКВД с вызовом в качестве свидетеля. Без особого страха проследовав длинными коридорами в кабинет следователя, я сообщила, что «никаких антисоветских разговоров от своего учителя я никогда не слышала...» Тем моё участие в инциденте было исчерпано. А несчастный С.А. Сидякин тем не менее получил 10 лет административной высылки в один из дальневосточных округов.

Острое впечатление осталось от оглушительного взрыва при уничтожении в 1934 году красно-белокаменной неземной красоты Успенской церкви постройки 1697 года, высившейся на углу Большого Успенского переулка (в 1930-х годах переименован в Потаповский переулок) и Покровки. Взрыв этот отозвался мистическим страхом в умах окрестных жителей. А в наши «времена перемен» об этом чудовищном злодеянии напомнила печать: газета «Известия», анализируя книгу очерков Ю.Нагибина, рассказала, что писатель «вспоминает, как снесли в угоду городскому транспорту дивную церковь «Успения Божьей Матери» на углу Покровки и Потаповского, которой любовались Достоевский и ... «злодей» Наполеон» (Книги: новинки недели // Известия. 1988. 3 января). Этот последний при оккупации Москвы распорядился об охране церкви изумительной красоты на Покровке (Радиопередача «Писатели у микрофона», 7 июля 1988 года).

Ещё остался в памяти обширный, обнесённый высокой кирпичной стеной сад напротив нашего дома, называвшийся «Абрикосовский». В описываемую пору он пришёл в полное запустение. Со стороны переулка сад ограничивался двухэтажным каменным особняком бывшего кондитерского фабриканта Абрикосова. Очень красивый дом, с большой открытой террасой на втором этаже и начавшей разрушаться фигурной балюстрадой, тогда уже пустовал, и нам, детям, всё казалось, что там должны жить призраки.

Однажды на собравшуюся у папы «пульку» пришёл поиграть высокий, с тонким изнеженным лицом молодой человек. И я слышала, как родители потом говорили, что это был родственник фабриканта, оставшийся в России и живший в одной из комнат нижнего этажа своих бывших хором. Однако вскоре он исчез, говорили, что его арестовали и расстреляли как «бывшего капиталиста».

Кроме двух трёхэтажных домов желтоватого цвета — нашего и его двойника, во дворе размещался громадный серый густонаселённый семизэтажный дом, славившийся своими подростками-хулиганами. Они часто устраивали драки с поножовщиной, а во дворе циркулировали мрачные истории об изнасилованиях и грабежах.

Был такой случай. Как-то мы, 8–10-летние девочки,

заигравшись вечером после школы во дворе, не заметили, как попали в окружение чумазых мальчишек. Один из них ударил меня — до сих пор помню тупое низколобое лицо парня с толстыми губами, широким носом и заплывшими глазами.

Почти без памяти от боли и ужаса ворвалась я домой. Поняв, в чём дело, папа в бешенстве выскочил во двор и по указанию перепуганных детей ухватил за шиворот виновника происшествия. Остальная банда молниеносно испарилась. Узнав у отбивавшегося мальчишки номер его квартиры, папа приволок недоросля к родителям. Там он застал грязь, тесноту и подвыпившего отца-сапожника. Под угрозой заявления в милицию родич тут же выпорол своего многообещающего отпрыска, и на этом инцидент исчерпался. После описанной истории местные хулиганы трогать нас уже не осмеливались. А вскоре часть бандитов за ограбление Торгсина села в тюрьму.

С течением лет вполне закономерно менялся облик населения нашей квартиры. К началу 1930-х годов стали исчезать интеллигенты: вместо инженера с семьёй в соседнюю комнату въехал мрачный тип с миловидной женой, на лице которой постоянно присутствовала печать страдания и испуга, и прикованным к кровати-каталке парализованным десятилетним сыном. Однажды мой слух уловил предупреждение взрослых друг другу: в присутствии отца этого семейства надо быть осмотрительнее в разговорах, ибо «...кажется, он работает в ГПУ...»

К несчастью, только в 1936 году, очень запоздало (за год и четыре месяца до ареста) исполнилась мечта отца об отдельной квартире. В новом доме по Ананьевскому переулку, у Колхозной (бывшей Сухаревской) площади, ему по договору предоставили небольшую ведомственную квартиру.

Но в сердце моём сохранились только чистопрудные переулки, потому-то оно так заколотилось, когда уже в наши дни я увидела репродукцию с картины художника Е.И. Куманькова «Телеграфный переулок, д.10» (Огонёк. 1987. №17). Именно в калитку этого дома, напротив уцелевшей белой церкви, тоже изображённой на картине, мы столько раз входили. Там жили и давали частные обеды две нуждавшиеся интеллигентные дамы. Одна из них — Мария Николаевна Ершова, красивая, тонкая, золотоволосая, со страдальческими глазами. Она осталась единственной от большой семьи бывших владельцев той самой гигантской, теперь коммунальной, квартиры, в которой мы жили.

Вторая — близкая её подруга, Мария Валентиновна, толстая, добрая женщина в пенсне на чёрной тесёмочке, преподавшая мне, кстати, ещё в дошкольные годы основы «Закона Божьего» по детской, ярко расцвеченной книжке с ангелами и научившая читать ноты. Тогда же она вела детскую группу из пяти человек по немецкому языку, в которой я тоже занималась.

Случались непредвиденные инциденты в нашей семье. Папа не на шутку вышел из себя, обнаружив в моей голове полное отсутствие знаний по алгебре, я училась тогда в 8-м классе школы № 327. Причиной моего отставания явилось неумеренное посещение с соученицей театров, в основном МХАТа, сопровождавшееся регулярными прогулками последних уроков второй школьной смены. В ущерб своим делам, отец в течение трёх дней вынужден был вдавливать в моё невежественное сознание основы математики.

Годы между тем летели стремглав, и наступил момент, когда я спросила у отца, есть ли Бог? Хотя я и молилась

Ему ежевечерне с малых лет. В ответ папа научил меня двум молитвам: «Отче наш» и своей любимой — «Господи и Владыка живота моего, дух праздности, уныния, любования и празднословия не даждь ми...» (великопостная молитва Святого Ефрема Сирина). (А.С. Пушкин в своей поэтической версии «Молитвы» сказал именно о ней: «...Но ни одна из них меня не умиляет, как та, которую священник повторяет во дни печальные Великого поста...»). Он сказал, что Бог должен быть в душе каждого, без Него нельзя жить, ибо в начале жизненного пути с Его помощью прививаются нравственные основы — человеколюбие, совесть, справедливость, правдивость, доброта, а в конце — мужество и стойкость в перенесении невзгод и страданий, а также надежда на жизнь грядущую. И всё же, сказал отец, есть в бесконечности Вселенной, в её вечности вопросы, которые человеку не дано разрешить.

Из тех же времён запомнился серьёзный случай, связанный с религией: в 1934 году маме пришлось перенести тяжёлую и опасную операцию по женской линии, и, пока операция продолжалась в течение двух с половиной часов (помню даже фамилию хирурга — проф. Гудим-Левкович), папа всё это время ходил взад-вперёд по больничному двору и горячо молился о спасении мамы.

Или другая, более трагическая история, поведанная бабушкой: в 19-летнем возрасте её старший сын (мой отец) заболел корью, которая у взрослых обычно протекает в угрожающей форме; приближался кризис — папа потерял сознание, начали синеть кончики пальцев — бабушка бросилась в соседнюю комнату и, затворив дверь, распростёрлась перед иконой, исходя в страстной мольбе и слезах: не помнит, сколько прошло времени, но вдруг лёгкий стук в дверь и шёпот сиделки, что «...кризис, кажется, миновал», привели её в себя.

Как только в начале 30-х годов в продаже появились радиоприёмники ЭЧС, отец приобрёл такой приёмник, чтобы по вечерам, не имея времени для посещения концертов, слушать музыку, без которой не мог существовать. В январе 1937 года, то есть, совсем незадолго до рокового дня, мы с палой при помощи этого далёкого от совершенства агрегата слушали 1-й фортепианный концерт Шопена, который транслировался из Варшавы с конкурса имени Шопена. Кстати, первые премии там получили, если не ошибаюсь, советские пианисты Роза Тамарюкина и Яков Зак.

Однажды папа купил пластинку с записью Баллады №1 Шопена в исполнении прославленного Карла Цекки. Мы воспроизводили её на нашем первоклассном английском патефоне, упиваясь томительными звуками.

Но самым любимым и близким отцу композитором оставался Чайковский, гениальные симфонии которого в наше время воспринимаются особенно трагично.

Вспоминаю изумление отца по поводу того, что привезённая из-за границы пластинка великого Шаляпина («Пророк» и «Эй, ухнем») продавалась (из-под полы) дешевле пластинки с записью Вертинского («Безноженька» и «Пани Ирена»). Шаляпина отец тотчас купил, тем более, что английская пластинка была редкого качества.

Вскоре на экранах появились диснеевские мультфильмы. Сразу же отец, сжигаемый любопытством, вместе со мной ринулся в кино на сборник из трёх фильмов: «Странные пингвины», «Три поросёнка», «Мики-дирижёр». Восхищённый отец констатировал: «Всё это гениально! Диснею обеспечено бессмертное будущее!...»

(Продолжение в следующем номере).